

Эпистемология права // Рос. юрид. жур. – 1999. – № 3. – С. 153-159. 7. *Нерсесянц В.С.* Философия права: Учебник для вузов. – М.: Изд. гр. НОРМА-ИНФРА М, 1997. – 652 с. 8. *Рабинович П.* Герменевтика і правове регулювання // Вісн. Акад. прав. наук України. – 1999. – № 2. – С. 61-71. 9. *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. – М.: Изд-во АО КАМІ, Academia, 1995. – 160 с. 10. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 415 с. 11. *Рикер П.* Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопр. филос. – 1996. – № 4. – С. 24-35. 12. *Філософський словник соціальних термінів*/ Голов. ред. В.П. Андрущенко. – Х.: Корвін, 2002. – 672 с. 13. *Честнов И.Л.* Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – С.-Пб., 2002. – 322 с. 14. *Betti E.* Die Hermeneutik als Allgemeine Methodologie der Geisteswissenschaften. Tübingen: Konkursbuch Verlag, 1962. – 238 s. 15. *Betti E.* Hermeneutisches Manifest. Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre. Tübingen: Konkursbuch Verlag, 1954. – 98 s. 16. *Betti E.* Problematik einer allgemeinen Auslegungslehre als Methode // Hermeneutik als Weg heutiger Wissenschaft. Salzburg: AKV, 1971. – S. 3-22. 17. *Kaufmann A.* Durch Naturrecht und Rechtspositivismus zur juristischen Hermeneutik // Juristenzeitung. Tübingen, 1975. – № 11-12. – S. 337-341. 18. *Kaufmann A.* Wozu Rechtsphilosophie heute. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971. – 187 s.

Надійшла до редакції 07.03.2008 р.

УДК 340.15:348.711.1(470+571)«18/19»

В.А. Лизогуб, канд. юрид. наук
Національна юридична академія України
імені Ярослава Мудрого, м. Харків

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ВНАЧАЛЕ XX ВЕКА

На протяжении тысячелетий свобода вероисповедания и свобода совести отождествлялись с правом человека на жизнь. История знает многочисленные примеры возникновения кровопролитнейших и длительных войн между государствами на религиозной почве. Дискриминация и преследование инакомыслящих

внутри государств, вплоть до их физического уничтожения, до сих пор является важной проблемой. Поэтому не удивительно, что многие древнейшие памятники национального законодательства и международного права с целью прекращения или недопущения войн провозглашали право людей на добровольный выбор соб-

ственной веры [3, с. 39].

Следует отметить, что для России и Украины свободный выбор религии никогда не был причиной острых внутригосударственных проблем и противоречий, хотя этот вопрос всегда был актуальным [4, с. 64, 65]. Начиная со времен введения христианства на Руси (X в. н.э.), право свободного вероисповедания подвергалось определенным ограничениям, но в несоизмеримо меньших масштабах, чем в католических странах Западной Европы. Известны случаи, когда при присоединении к Московскому государству новых земель, населенных представителями разнообразных, главным образом нехристианских вероисповеданий, доминирующей становилась политика веротерпимости.

В Российской империи 2-й половины XIX – начала XX в. в наиболее привилегированном положении находилось православное вероисповедание. Оно официально признавалось господствующей и даже государственной религией. Статья 62 Основных государственных законов гласила: «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная, католическая восточного исповедания» [7, ст. 62, 63]. В соответствии со ст. 63 этих Законов выражением первенства православного вероисповедания

служил принцип, согласно которому император, восседавший на всероссийском престоле, не мог исповедовать никакой иной веры, кроме православной. Статья 64 этого же документа признавала императора верховным защитником православной веры, хранителем ее догматов, блюстителем правоверия и «всякого в православной церкви благочиния» [7, ст. 64].

Согласно ст. 43 Основных законов духовная жизнь на территории Российской империи строго регламентировалась государством. Управление церковью в государстве и, соответственно, вопросы свободы вероисповедания были сосредоточены в руках Святейшего Правительствующего Синода, представлявшего высшую коллегию. Ведомство православного исповедания, т.е. управление духовенством, находилось под руководством Обер-прокурора Синода, который занимал положение, равное министру: в совещаниях 4-х министров по надзору за печатью Обер-прокурор имел права министра [10, с. 178].

Иностранные исповедания в Российской империи управлялись Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, подчиненным Министру внутренних дел. Римско-католическое, евангелическо-лютеранское, евангелическо-реформаторское, армяно-григорианское, армяно-

католическое, караимское, еврейское, магометанское, лимаистское и буддийское исповедания были организованы в «вероисповедные общества». Для так называемых язычников духовной организации не существовало. В Российской империи были официально запрещены секты, которые считались особо вредными и отличались наибольшими изуверствами (скопцы, хлысты и т. п.) [10, с. 179].

Ряд законодательных постановлений был призван обеспечить господство православной веры и содействовать ее распространению в пределах русского государства. На территории империи только православная церковь имела право проводить проповеди с целью склонения подданных принять ее учение о вере [13, ст. 70].

Переход из православия в другое вероисповедание, как и всякие действия, направленные на то, чтобы заставить православного отказаться от своей веры, строго запрещались законами Российской империи под угрозой уголовного наказания [12, ст. 187].

Наличие определенной совокупности прав других религий можно объяснить лишь веротерпимостью, которая была всегда свойственна российской правовой и политической культуре, начиная со времен образования

Русского централизованного государства. В начале XX в. ст. 45 Основных законов Российской империи официально закрепляет требование веротерпимости, обращенное ко всем подданным: «Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Царя вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы Империи» [7]. А в соответствии со ст. 44 этого документа иноверцам разрешалось отправление богослужения по обрядам своей веры [7].

Исключение из этого общего правила составляли раскольники — часть верующих, не признававших церковной реформы Никона 1653-1656 гг., и отделившихся от православной церкви. Во второй половине XVII — в начале XVIII вв. раскол был идейным знаменем антифеодального и оппозиционного движений, который до 1906 г. преследовался царским режимом. Раскольникам запрещалось публичное «оказательство» их веры [1, с. 272]. Они не пользовались правом публичного отправления богослужения, им запрещалось строить церкви (а уже построенные перестраи-

вать), а также издавать книги, по которым совершалось богослужение. Они не допускались к занятию общественных должностей [2, с. 379]. Им запрещалось селиться и проживать в некоторых местностях.

Значительная часть указанных ограничений была отменена Законом о льготах раскольников от 3 мая 1883 г. Им были предоставлены права открывать молельни и другие молитвенные дома, замещать различные общественные должности, от которых они были отстранены ранее [6, с. 219-221]. По этому Закону, раскольникам было разрешено «творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать Богослужение по их обрядам, как в частных домах, так равно в особо предназначенных для сего зданиях, с тем лишь непременным условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка» [5, с. 495].

В целом же позиция русского законодателя по отношению к различным вероисповеданиям была неодинаковой. В отличие от некоторых христианских, но негосударственных религий (к которым относились и раскольники), российское законодательство содержало гораздо более жесткие ограничения по отношению к нехристианским вероисповеданиям [1, с. 272]. Существовала

целая система наказаний в отношении лиц, совершивших, к примеру, обращение кого-либо из христианской веры какого бы то ни было исповедания в нехристианскую или отступничество от христианской веры, что закреплялось в статьях 184 и 185 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В то же время переход лица из нехристианской в христианскую веру (независимо от исповедания) разрешался [13, ст. 84, 87]. Для перехода иноверца в другое исповедание необходимо было получить разрешение министра внутренних дел. Статья 196 упомянутого Уложения и ст. 57 Устава о предупреждении и пресечении преступлений запрещали основывать новые секты [13, ст. 57]. Косвенно это распространялось на все непризнанные вероучения. Одной из причин этого было то, что ведение актов гражданского состояния находилось тогда в исключительной компетенции духовенства [10, с. 177].

В начале XX в. российское законодательство, регулирующее вопросы религии, подверглось значительным изменениям. В 1903-1905 гг. Николаем II был издан ряд указов и манифестов, закрепляющих принцип свободы совести как основу политики государства в сфере религии. Вопрос о свободе совести и вероисповедания занял одно из ключе-

вых мест в программах политических партий. Они открыто заявляли не просто о расширении границ вероисповедания, а о необходимости секуляризации государственного и общественного устройства, мировоззренческом плюрализме, отделении церкви от государства и школы. При этом имело место принципиальное несовпадение правительственной и оппозиционной точек зрения, предопределившее остроту дискуссий вокруг правительственных законопроектов по вероисповедному вопросу в Государственной думе [8, с. 40].

Закон от 17 апреля 1905 г. отменил большинство ограничений свободы отправления богослужения, в особенности касавшихся раскольников. Упразднялось само понятие «раскольники», а все адепты различных религиозных толков и согласий, исповедовавшие основные догматы православной церкви, отныне назывались «старообрядцы». Остальные верующие, не признававшие указанных догматов, отныне считались сектантами, которые, в свою очередь, разделялись на 2 категории — разрешенных законом и запрещаемых. Причем старообрядцы и разрешенные законом сектанты получили право создавать (при соблюдении установленных в законе условий) общины с правами юридических лиц, которые

могли осуществлять не только религиозную, но также просветительскую и благотворительную деятельность. Помимо того, старообрядческие и сектантские общины получили право избирать духовных лиц, настоятелей и других наставников, сооружать с разрешения губернского начальства храмы, молитвенные дома, учреждать благотворительные заведения и школы, приобретать и отчуждать имущество [11, ст. 526].

Этим же Законом были отменены значительные ограничения, связанные с выбором вероисповедания. Несмотря на то, что православное вероисповедание продолжало оставаться господствующим и находилось под покровительством государственной власти, переход из него в другое христианское вероисповедание или вероучение уже не преследовался со стороны государства. Переход из православия в другие нехристианские исповедания по этому Закону по-прежнему запрещался [11, ст. 526].

За немногими исключениями, сохранялись прежние постановления относительно лиц, исповедующих иудейскую веру, и последователей так называемых «изуверных» учений. Евреи, исповедовавшие иудейскую веру, были ограничены в правах на свободное передвижение и свободный выбор места жительства [5, с. 499].

Важную роль в законодатель-

ном обеспечении свободы вероисповедания сыграл Манифест 17 октября 1905 г., который вывел целый комплекс гражданских и политических прав (в том числе право на свободу вероисповедания) на новый конституционный уровень. Пункт 1 Манифеста гласил: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [9, № 26803]. Следует заметить, что в приведенном перечне прав и свобод подданных свобода совести выступает на второе место по значимости после неприкосновенности личности.

Значительным образом вопросы свободы вероисповедания затронула Государственная Дума третьего созыва (1907-1912 гг.). В процессе ее деятельности были рассмотрены и приняты 3 важнейших законопроекта: (а) о старообрядческих общинах, (б) об отмене ограничений, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана, и (в) о переходе из одного исповедания в другое. Окончательная редакция Думы этих законопроектов учитывала последние либеральные стандарты в области прав человека и значительно отличалась от редакции, предложенной правительством. Тем не менее Государственному совету показа-

лись излишними не только подобная смелость Думы, но даже некоторые положения первоначальной, правительственной, редакции. Указанные законопроекты прошли реставрирующую переработку [8, с. 42].

Однако, если в 1907 – 1908 гг. правительство стремилось показать обществу понимание необходимости реформ в сфере свободы вероисповедания и свою заинтересованность в них, то по мере того, как теряло силу революционное движение, правительство стало пренебрегать мнением Думы и отказываться от своих прогрессивных инициатив в этом вопросе. Четвертая Государственная дума работала в совершенно иных политических условиях. Относительно спокойный период сменился атмосферой грядущей второй революции. Накануне первой мировой войны в законодательном закреплении свободы вероисповедания Российская империя оставалась на уровне конца XIX в. Вне законодательного процесса находились важнейшие законопроекты, принятые Третьей Думой. В вопросе, касающемся законодательного закрепления свободы совести, были утрачены практически все результаты предыдущих лет работы Государственной думы над российским законодательством. Фракция народной свободы (кадеты) предложила Думе соб-

ственные законодательные соображения о свободе совести 6-летней давности («Законопроект 32-х»). Они включали в себя такие требования, как (а) равенство граждан вне зависимости от их вероисповедной принадлежности, (б) равенство всех исповеданий перед законом, (в) невмешательство государства в совесть граждан, (г) свободный переход из одного исповедания в другое, (д) особый порядок ведения актов гражданского состояния. Правительство, рассмотрев на специальном совещании данные предложения, сочло нужным направить законопроект в вероисповедную комиссию Думы. [8, с. 42,43].

Третий параграф законопроекта затрагивал проблему невмешательства государства во внутреннюю область религиозного мировоззрения человека. По оценкам правительственных экспертов, постановка проблемы подобным образом означала прямой путь к признанию права подданных выбирать ту или иную религию на основе совести и собственного усмотрения либо права не принадлежать вообще ни к какой религии (т.е. невероисповедного состояния) и возможность нарушать любые религиозные обязательства. Согласно такой охранительной аргументации, считали они, предоставленные каждому возможности ме-

нять веру столько раз, сколько пожелается, неизбежно «приведет к религиозному разврату» [8, с. 44-46].

Таким образом, в Российской империи во 2-й половине XIX – в начале XX в. впервые в истории страны начинается изменение отношения государства и общества к вопросам свободы вероисповедания и свободы совести, что находит свое непосредственное выражение и в законодательстве. В это время вопросы вероисповедания находились под полным и строгим контролем со стороны государства, а православная церковь составляла неотъемлемую часть государственного аппарата. Исповедование иных религий – как христианских, так и нехристианских – строго контролировалось с обеих сторон.

Вместе с тем в начале XX в. вопросы свободного вероисповедания и отделения церкви от государства и школы попадают в центр внимания деятельности правительства, а затем и Государственной думы. Принимаются некоторые законы, отменяющие значительные ограничения в исповедании «инославных» (неправославных) христианских религий. Дума впервые поднимает проблемы невмешательства государства во внутреннюю область религиозного мировоззрения человека.

Однако принятые меры не обеспечили полной свободы вероисповедания и не устранили господство одной церкви. В то же

время они стали исходным пунктом для дальнейших кардинальных преобразований в этой сфере.

Список литературы: 1. *Алексеев А.С.* Русское государственное право: Консп. лекций. – М.: Тип. А.А.Гатцука, 1882. – 473, XI с. 2. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. – Т.1: О государственном устройстве. – М.: Тип. Стасюлевича, 1875. – 436 с. 3. *Заболоцька Л.* Виникнення та формування міжнародних стандартів у галузі прав людини // Укр. часопис прав людини. – К., 1995. – № 1. – С. 37-42. 4. *Здіюрук С.* Свобода совісті та віросповідань у контексті релігійної ситуації в Україні // Права людини в Україні: Щорічник. – К., 1998. – С. 64-65. 5. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права: Введение и общее учение о государстве. Конституционное право современных граждан. Русское государственное право. – 2-е изд. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1909. – 500 с. 6. О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по управлению духовных требований: Высочайшие утвержд. (№ 1545) // ПСЗ Рос. империи: Собр. 3. – Спб., 1886. – Т.3. – С. 219-221. 7. Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 года. – Спб.: [Б.и.], 1906. 1234 с. 8. *Пинкевич В.К.* Свобода совести в Российской империи накануне первой мировой войны // Религия, церковь в России и за рубежом. – М., 1997. – № 9/10. – С. 40-47. 9. Полное собрание законов Российской империи: Собр. третье. – Т.25, отд. 1. – Спб.: Тип. 2-го отд. Собств. канц. Его император. величества, 1908. – 996. – 156 с. 10. *Севшников М.Н.* Русское государственное право: Пособие к лекциям. – Спб.: Тип. Вольфа, 1896. – 363 с. 11. Собрание Указаний и Распоряжений правительства от 17 апреля 1905 г., изд. при Правительственном сенате. – Спб.: Сенат. тип., 1906. 12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885г. – 5-е изд., доп. – Спб.: Изд. Н.С.Таганцева, 1886. – 714 с. 13. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – Спб.: [Б.и.], 1876. – 353 с.

Надійшла до редакції 27.12.2007 р.